

Смердов Александр Иванович (1910–1986) – поэт, переводчик, публицист, издатель, редактор, общественный деятель, фронтовик, собкор «Литературной газеты» в Китае. Родился в Пермской области, большую часть жизни прожил в Новосибирске. Автор поэмы «Пушкинские горы». Всесоюзный музей А. С. Пушкина напечатал в своём пригласительном билете на вечер, посвящённый 25-летию Победы, строки из этого произведения.

А. И. Смердов возглавлял в течение долгих лет (1964–1975) журнал «Сибирские огни» и, радуясь новым талантам, публиковал прозу молодых писателей: Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Шукшина. Любя Сибирь, А. И. Смердов много путешествовал и часто занимался переводами: в его поэтическом переложении был ещё в 1940 г. опубликован шорский эпос «Ай-Толай». Сказания были записаны в 1939 г. самим А. Смердовым от шорского кайчи Морошки (Н. А. Напазакова, 1870–1942). Книги: «Стихотворения, поэмы, переводы» (1961); «Избранное» (1986) и др

Отрывок из поэмы «Пушкинские горы»

Памяти поэтов-воинов

Георгия Суворова и Бориса Богаткова

...В душе, исполненной печали,
Стихи ещё не отзвучали:
«Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил...».
Вот где-то здесь – и, может, рядом
В осенней синей тишине
Блуждал поэт под листопадом
С тоской своей наедине.
«Где я страдал...». Разрывы близко,

И нестерпимей мины вой...
«Где я любил...». А пули с визгом
Снуют над самой головой...
И землю рвут вокруг осколки,
И приподняться нету сил...
А на душе звенит, не молкнет:
«Где сердце я похоронил...».

Отрывок из поэмы «Пушкинские горы»

...И, кажется, – над полем схватки,
Над развороченной землёй,
В знакомой взвихренной крылатке
Поднялся Пушкин, как живой.
В огне, бушующем по плечи,
Для вражьих пуль неуязвим
Идёт поэт, идёт навстречу
Освободителям своим.

* * *

А. Прокофьеву

Пускай меня причислят к староверам
И назовут кондовым мой язык, –
Но я пристрастен к старым русским мерам
И мерить ими в жизни суть привык.
Весомее не знаю меры – пуда,
Когда мне надо взвесить и учесть
Хлеб наш насущный – сладостный и трудный,
И соль, что с другом вместе должен съесть.
И доверяюсь без пренебреженья
Метрической системе наших бед –
Исконно русским верстам и саженьям,
Неуместимым, скажем, в километр...

Все перепаханное и пережитое,
Невзгод бездонность и мечты размах,—
Владимирской, сибирскою верстою
Отмеряно и в душах и в умах.
Сажень – погонная, косая, маховая,
Напевы наполняющая и живую речь
Раздольем русским без конца и края
И богатырской силой русских плеч.

* * *

О грибной и ягодной забыв корысти,
В рощице осиновой стою.
Падают оранжевые листья
На седую голову мою.
На лету навеки засыпая,
Наземь опускаются они.
Будто время плавно осыпает
Жизни мною прожитые дни.
На траву поблекшую присяду,
Грустью увядания объят.
Осени моей семидесятой,
Может быть, последний листопад...
Но всему, что найдено, потеряно ль,
Надо ли вести подневный счёт?
Опадёт по осени живое дерево,
А весной листвою снова обростёт.